

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

Ленинградский ордена Ленина
и ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени А. А. Жданова

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
АНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА

Межвузовский сборник

Ленинград 1985

біл ітіңбай...¹⁸ Подобное причудливое сочетание в руководстве полиса туземной и эллинской традиций могло произойти только естественным путем, в ходе длительного сосуществования обоих начал на карийской территории. Картина подобного своеобразия в области управления дополняется специфическим характером взаимоотношений внутри самого союза. Мы уже отмечали Алабанду, вполне самостоятельно издававшую свои декреты в рамках Хрисаорейона. Но отдельные демы этого Союза пошли еще дальше. Наряду с Миласой и Алабандой в состав объединения входила и община с культом Зевса Панамарейского. Будучи демом Стратоникеи, она, тем не менее, ушла в сравнении с ней так далеко вперед, что сама даровала ряду стратоникейцев права гражданства в Панамарейском койоне, а через него – и в Хрисаорейоне.¹⁹ Подобная необычность во взаимоотношениях части и целого в Союзе привела Страбона к тому, что он в попытке отыскать этому объединению точное греческое определение не нашел ничего адекватного и остановился на неопределенном – *συβαρικόν* (XIV, 2, 25).

Развитие Карии, как свидетельствует Хрисаорейская система, шло по пути медленного, но непрерывного процесса объединения древних сельских общин в новые, более крупные союзы – койоны. И дело не только в количественных преобразованиях и даже не столько в них, сколько в том, что в ходе этих изменений, шедших естественным путем, возникали новые социальные структуры, хранившие еще элементы туземного уклада и, вместе с тем, сближавшиеся объективно в немалой степени с эллинскими. На результатах этой эволюции не могло не оказаться, конечно, длительное сосуществование и взаимодействие карийских общин и греческих полисов, так что даже само укрупнение первых чисто внешне напоминало эллинские симполитии. Именно своеобразное сочетание общинами и койонами Карии на рубеже V–IV вв. до н.э. местного и эллинского начал и определило ту специфику, трезвый учет которой постоянно был в поле зрения Гекатомнидов, карийских властителей IV в. до н.э.

¹⁸ Laumonier A. Inscriptions de Carie. – BCH, 1934, vol. 58, p. 341.

¹⁹ BCH, P., 1904, vol. 28, p. 353.

А.И.Попов

ВЛАСТЬ АГАФОКЛА СИРАКУЗСКОГО

Структурный анализ созданной Агафоклом державы логичнее всего начать с рассмотрения личной власти самого правителя, тем более, что можно констатировать – именно этот аспект отражен в традиции сравнительно лучше других.

Вопрос о конституционном оформлении власти Агафокла довольно поздно стал объектом исследования. Для морализирующей, по-вествовательной историографии середины прошлого века вопрос этот не вставал. Ученые того времени просто именуют его "тиран", "деспот", даже "злой военный деспот".¹ Только Б.Нибур упомянул о титулатуре Агафокла, но буквальное следование за источником привело его к ошибке.² Исследования конца прошлого века ограничивались обычно констатацией того факта (отмечено го, впрочем, уже Диодором), что назначение Агафокла стратегом-автократом и означало рождение новой тирании. Исключение составляет работа Э.Фримена, уделившего немало внимания юридическому положению тирана.³

Только в антиковедении начала нашего века выкристаллизовался особый интерес к формально-юридическим аспектам тирании. Теперь, наряду с признанием того, что по своей сущности власть

¹ Grote G. Geschichte Griechenlands. Bd.6. B., 1880, S.667, 699; Wachsmuth W. Hellenische Altertumskunde aus dem Gesichtspunkte des Staates. T.1, Abt.2. Halle, 1828, S.403; Flasch H. Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen. T.2. Bremen, 1852, S.273.

² Нибур предположил, что после переворота Агафокл объявил себя династом и носил титул *βασιλέως* до того времени, когда принял титул *ράβελευτού* (Niebuhr B. Vorträge über alte Geschichte. Bd.2. B., 1851, S.24%).

³ Герцберг Г. История Греции. СПб., 1881, с.596; Драйзен И. История эллинизма. Т.2. М., 1893, с.234; Holm A. Geschichte Siciliens im Altertum. Bd.2. Leipzig, 1874, S.225; Freeman E. The History of Sicily. Vol.4. Oxford, 1894, p.378–381.

Агафокла являлась военной диктатурой, военной монархией,⁴ делаются попытки определить государственно-правовой статус тирании вообще и агафокловой в частности. Ю.Белох, например, был убежден, что "положение самого тирана в государстве, естественно, должно было каким-то образом быть упорядочено, обычно, вероятно, посредством высшей военной власти".⁵ Г.Свобода подчеркнул, что среди должностей, которые для узурпаторов лежали на пути к тирании, следует в первую очередь назвать должность стратега-автократора, известную нам главным образом через ее связь с тиранией в Сиракузах. Выборы тирана на народном собрании полномочным стратегом могли придать его власти видимость законности, хотя эта должность, конечно, получала совершенно иное содержание.⁶ В.Хюттель развел эти тезисы в приложении к истории Сиракуз и, в частности, к тирании Агафокла.⁷ Под влиянием этих исследований власть Агафокла стала определяться как "вид замаскированной тирании, ... которая скрывалась под конституционной формой звания стратега".⁸

Правда, уже в то время М.Шееле высказал сомнения в принципиальной возможности описания тирании в рамках формально-юридических классификаций. Полномочная стратегия, полагал он, служила лишь средством для подготовки тирании, "сама же тирания начиналась только тогда, когда демократическая конституция и с ней также полномочная стратегия отставлялись в сторону. Тем самым в государственно-правовом отношении возникало неопределенное положение, которое едва ли иначе следует называть, как незаконное, причем также ничего не меняет тот факт, что узурпация считалась целесообразной..., так как она не только позволяла существовать прочим институтам полисной органи-

зации, но и сама сохраняла роль стратега-автократора, без того, естественно, чтобы связывать ... свои мероприятия с этой должностью".⁹

Тем не менее государственно-правовой подход оставался излюбленным в немецкой историографии и в применении к тирании Агафокла наиболее последовательно был проведен в работах Г.Берве, поставившего своей главной задачей "выяснение вопроса, какого рода была монархическая должность Агафокла и как в течение примерно трех десятилетий ... она изменялась". Причину особого интереса к данному феномену он справедливо усматривает в том, что это был своего рода единственный пример, когда в западно-греческом мире на основе полиса сформировалось эллинистическое царство, конкурировавшее с царствами диадохов.¹⁰

Хотя основные выводы Г.Берве относительно правового положения Агафокла были приняты учеными, однако некоторая абсолютизация, а точнее, преобладающее внимание его к формально-юридической стороне дела вызвало ряд возражений, о чем мы скажем ниже. Теперь же обратимся к фактам.

Агафокл, как известно, явился на политическую сцену Сиракуз в конце IV в. Преследуя цель добиться единовластия, он, с определенного времени разыгрывавший из себя приверженца демократии, дважды подвергался изгнанию. Возвращенный не без помощи пунийского полководца Гамилькара из второго изгнания, он был избран "стратегом и охранителем мира". Это положение он должен был занимать до тех пор, пока среди собравшихся в городе приверженцев различных партий не вспыхнет согласие (Diod.19, 5, 5-6). Спеша воспользоваться своими чрезвычайными, но ограниченными сроком полномочиями и именно под их прикрытием, Агафокл подготовил и осуществил государственный переворот.

После двухдневного избиения политических противников и вообще всех зажиточных граждан, Агафокл созывает народное собрание, где его сторонники призывают его взять на себя заботу

⁴ Пельман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910, с.459; Beloch K. Griechische Geschichte. 2.Aufl., Bd.4, Abt.1. B. Leipzig, 1925, S.186; De Sanctis G. Agatocle. - Rivista di Filologia, 1895, p.299.

⁵ Beloch K.J. GG, Bd.1, Abt.1, S.356.

⁶ Swoboda H. Lehrbuch der griechischen Staatsaltertümer. Tübingen, 1913, S.84-86.

⁷ Hüttl W. Verfassungsgeschichte von Syrakus. Prag, 1929, S. 131-134.

⁸ Cicotti E. Griechische Geschichte. Gotha, 1920, S.213.

76

⁹ Scheele M. Strategos autokrator. Diss. Leipzig, 1932, S.55-56.

¹⁰ Berwe H. Die Herrschaft des Agathokles. - Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse. Jahrgang, 1952, Heft 3. München, 1953, S.3 (далее: Berwe H. HA).

обо всем (προσδέξασθαι τὴν τῶν ὅλων ἐπιμέλειαν 19,9,3). Запуганная зверствами и присутствием солдатни толпа вручает ему единоличную власть. Он был избран стратегом-автократором и отныне стал властствовать и осуществлять управление полисом (καὶ τὸ λοιπὸν ψαύει τῷ εἰδυνάτερε καὶ τῆς πόλεως ἐπιμέλειαν εἴσει το. 19,9,4).

"Голосование в ассамблее Сиракуз, - заметил по этому поводу Фримен, - было проведено в форме настоящего плебисцита, хотя можно и усомниться в полной свободе голосования в ассамблее, созданной хозяином восьми тысяч вооруженных чужеземцев, которые еще не успели смыть с рук кровь. Но форма, во всяком случае, была соблюдена".¹¹

Действительно, приход Агафокла к власти был по существу насилистенным, незаконным, однако обставлено все это было конституционными аксессуарами, была создана видимость законности. Поэтому речь теперь пойдет о том, чтобы установить объем и характер присужденных тогда Агафоклу полномочий, овладение которыми уже самими древними рассматривалось как начало его тирании.

Правда, состояние традиции не позволяет определить в частностях его компетенции. Поэтому исследователи обычно привлекают в качестве аналогии чрезвычайную стратегию Дионисия Старшего, полагая, что их компетенции в данном случае вряд ли существенно различались. Полномочия тирана как стратега-автократора распространялись, в первую очередь, на высшее военное командование. Он имел право назначать офицеров, набирать гражданское ополчение (Diod., 19,65,2; 72,2.; 20,4,3-4; II, I; 15,5; 72,1), вербовать наемников (19,72,2; 20,II,1; 64,2; 21, 3), вводить чрезвычайные военные налоги (Cр. 20,4,5). Вероятно, он имел также полномочия по обеспечении общественной безопасности, представлению государства во внешних сношениях и управлению финансами.¹²

Само собой разумеется, что концентрация высшей военной

¹¹ Freeman E. Op.cit., p.378; Cр.: Aalders G. Studien over Agathocles. - Tijdschrift voor Geschiedenis. Groningen, LXVIII, 1955, S.318; Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd.1. München, 1967, S.445.

¹² Swoboda H. Op.cit., S.87; Berve H. 1) HA, S.36; 2) Die Tyrannis bei Griechen, S.446.

власти в одних руках давала ее носителю фактическую возможность значительного влияния и на гражданский сектор. Это влияние было тем более реальным и действенным, что одновременно со стратегией Агафоклу была передана и ἐπιμέλεια τῆς πόλεως. То, что такие полномочия были ему вручены, впервые правильно подчеркнул Г.Берве.¹³ В вышеприведенных высказываниях Диодора (19,9,3-4) следует видеть не расплывчатые общие выражения, а именно указание на вполне определенные полномочия "эпимелета полиса". Об этом свидетельствуют приведенные Г.Берве исторические параллели, которые тем более правомерны, что как раз в то самое время подобный политический институт встречается и в других греческих полисах.

Главный пример является нам Деметрий Фалерский, в 317 г. по желанию Кассандра выбранный афинянами ἐπιμελητὴς τῆς πόλεως. Он имел чрезвычайные полномочия в сфере законодательства и финансов. При этом полномочия Деметрия несомненно распространялись только на гражданскую область, военная же власть находилась не у него, а у македонских офицеров в Мунихии. Относительно же Агафокла возникает вопрос, следует ли под ἐπιμέλεια, которую он исполнял, подразумевать нечто большее, чем просто фактическое влияние в силу порученной ему неограниченной стратегии? В пользу такого предположения говорит то, что Диодор как в случае с Деметрием, так и в случае с Ликиском в Эпире (ἐπιμελητὴς καὶ στρατηγός. Diod., 19,36,5) и, видимо вообще, под эпимелетом понимает преимущественно человека, наделенного полномочиями в гражданском секторе. Поэтому также о Тимолеонте, который фигурирует не только как полководец против пунтийцев, но и как гражданский реформатор, он определенно высказывался, что коринфяне послали его в качестве στρατηγοῦ τοῦ ἐπιμελομένου τῆς πόλεως (16,63,1; Ср. 19,70,3). Следовательно, сверх военных он имел еще и экстраординарные политические полномочия. Сходным образом обстояло дело со спартанским принцем Акротатом, которого в 314 г. призвали к себе арагантцы для борьбы с Агафоклом. Он также получил не только высшее военное руководство, но одновременно и ἐπιμέλεια τῶν ὅλων

¹³ Berve H. HA, S.35-36.

(I9, 70, 3), в том числе, видимо, в области финансов (I9, 71, 4).¹⁴

Таким же образом и Агафокл, наряду с чрезвычайной стратегией, приобрел полномочия "эпимелета полиса". Однако компетенции, связанные с этой должностью, определяются только гипотетически. Известно, что сразу после выборов Агафокл обещал сиракузскому демосу погашение долгов и передел земли (Diod., I9, 9, 5). О реализации этой программы ничего не известно, однако уже ее объявление позволяет предположить, что Агафокл как "эпимелет полиса" мог проводить подобные радикальные преобразования. При этом все же неясно, нуждался ли он в данном случае в особом постановлении народного собрания. Подобным же образом обстоит дело с наделением гражданскими правами наемников (Diod., 21, 18, 1; Ср. 20, 44, 7), посредством чего Агафокл, несомненно, увеличивал число своих приверженцев в городе. Здесь также неясно, проводилось ли перед тем специальное народное собрание.¹⁵

Насколько продолжал действовать механизм полисного республиканского правления - вопрос спорный. Во всяком случае, почти наверняка продолжало собираться народное собрание (Diod., 20, 63, 2) и, может быть, существовали некоторые магистратуры и городской совет (ср. Diod., 20, 15, 3; 16, 1). Здесь нам важно лишь подчеркнуть, что, следовательно, не вся республиканская конституция в Сиракузах была отменена и потому нет оснований предполагать, что "эпимелет полиса" формально обладал абсолютной властью в гражданском секторе.¹⁶

Двойственный характер полномочий Агафокла подтверждается его распоряжениями перед отъездом в Африку в 310 г. Тогда он передал своему брату Антандру попечительство над городом (Diod., 20, 4, 1), придав ему, однако, в качестве бывшего этолийского офицера-наемника Эримна. Следовательно, одному из них была поручена политическая, другому - военная власть, которыми в совокупности ранее обладал сам тиран.¹⁷

14 Berwe H. HA, S.39-41.

15 Berwe H. 1) HA, S.37; 2) Die Tyrannis bei Griechen, S.446.

16 Berwe H. HA, S.38.

17 Ibid., S.36, 41.

Деятельность же этих заместителей Агафокла, насколько мы знаем, заключалась в поддержании внутреннего порядка в городе, обеспечении государственной безопасности, ведении внешних сношений, организации оборонительных и наступательных военных действий (Diod., 20, 15-16, 32, 56, 72; Ox. par., № 2399).

В итоге этих наблюдений Г.Берве приходит к выводу, что "с государственно-правовой точки зрения монархическое положение, которое занимал Агафокл в Сиракузах в 316 г. не следует обозначать как тиранию". Его власть, рассуждает исследователь, не являлась только позицией силы, которая дает власть наряду с коллективом, как, например, тирания Писистрата, опиравшаяся на личные наемные отряды и лишенная всякого легального прикрытия. Кроме того, его власть не удерживалась, подобно тирании Дионисия Старшего, противозаконным сохранением на длительное время ограниченной сроком должности. Она, наконец, не держалась на чужой, внешней силе, как тирания мелких властителей в Элладе, пользовавшихся покровительством македонских царей. Агафокл выступает скорее легально избранным руководителем сиракузского государства, высшим магистратом общины (der höchste Beamte des Gemeinwesens), а не тираном.¹⁸

Такой вывод, на первый взгляд, находится в прямом противоречии с данными античной традиции. Действительно, Диодор постоянно называет Агафокла то тираном (I9, 65, 4-5; 102, 7; 20, 89, 2), то династом (I9, 9, 7; 63, 1; 102, 6-7; 20, 34, 7; 67, 2; 68, 4) и даже в одном и том же предложении употребляет оба названия рядом друг с другом (I9, 102, 7; 20, 77, 2; 79, 3), так что чередование выражений нельзя приписать просто смене источников; в нем следует видеть исключительно стилистические вариации. Полибий также именует Агафокла то тираном (9, 23, 2), то династом сицилийцев (8, 10, 12). Тираном сиракузян или сицилийцев назван он у Аппиана (Lib., I4, II0) и Полиена (5, 3, 1), просто тираном - у Олиана (Conviv. Caes., 332 c).

Э.Фримен и Г.Берве, на наш взгляд, правильно подчеркнули, что оба эти слова являются весьма неопределенными, подобно бесцветному в некотором отношении итальянскому слову *vigore*, и употреблены у Диодора и Полибия не в государственно-

18 Berwe H. I) HA, S.41-42; 2) Die Tyrannis bei den Griechen, S. 447.

правовом смысле. Династ – просто властитель (Cp.: Diod., 20, 54, I применительно к диадохам) и употреблено поэтому для Агафокла даже после принятия им царского титула (21, 16, 2). Под тиранней же подразумевалась в эллинистическое время жестокая, свирепая монархия. Словом "тиран" в то время обозначали безграничных, презирающих закон жестоких, насильтенных правителей, совершенно безотносительно к тому, имеют ли они какую-либо официальную должность. Это люди с монархическим или квазимонархическим положением.¹⁹ Поэтому Агафокл с полным правом именуется в традиции тираном. "Однако, – продолжает настаивать Г.Берве, – даже это не может ничего изменить. Власть Агафокла, рассматриваемая с государственно-правовой точки зрения, была не тиранней, Агафокл – не господином и владельцем (Herr und Besitzer) Сиракуз, но высшим должностным лицом общины (Amtsträger des Gemeinwesens)".²⁰

Естественно, такой, находящийся, казалось бы, в явном противоречии с традицией вывод, отстаиваемый с эпатирующей настойчивостью, вызвал возражения у ряда исследователей.

Так, Т.Ф. Пилленкова-Новикова, принимая выводы Г.Берве о юридическом статусе Агафокла в Сиракузах, не соглашается с ним, что Агафокл не был тираном и настаивает на том, что его власть "следует все же определить как позднегреческую тираннию".²¹

Более развернутую критику позиции западногерманского исследователя дает Г.Дизнер. Вышеупомянутый вывод Г.Берве, пишет он, находится в противоречии с его прежними высказываниями. Так, в другой работе²² Г.Берве утверждал, что узаконение тиранической власти – и тем самым ее государственно-правовая

¹⁹ Freeman E. Op.cit., p.525; Berwe H. HA, S.42, 44.

²⁰ Berwe H. 1) HA, S.44, 45; 2) Die Tyrannis bei den Griechen, S.456; Alders G. Op.cit., S.318.

²¹ Пиленкова-Новикова Т.Ф. Проблема кризиса греческого политса в советской историографии и позднегреческая тиранния в Сиракузах при Агафокле. – Уч.зап-ки Башкир. ун-та, 1968, вып. 2б, с.204, 226.

²² Berwe H. Wesenzuge der griechischen Tyrannis. – Historische Zeitschrift, 1954, 177, S. 1-20.

классификация – принципиально невозможны. Вот этот-то вывод, считает Г.Дизнер, вполне соответствует действительности: тиран не мог официально находиться в государстве, но только рядом с ним. Он получает власть насильственно, незаконно, независимо от государства, "по отношению к которому он является наибольшим паразитом". Достаточно применить к Агафоклу вопрос cui bono (в чьих интересах?) и сразу станет ясно, что его власть – типичная тирания; формально-структурный вопрос о правовой классификации тирании имеет для истории меньшее значение.²³

В обоих случаях бросается в глаза старательное игнорирование критиками того факта, что Г.Берве сознательно ведет речь именно о государственно-правовой сфере, а что касается существа дела, то он никак не сомневается в тираническом характере власти Агафокла. Во-вторых, и это более существенно, Г.Дизнер, а до него М.Шееле, прямо заявляют о принципиальной невозможности легализации тирании как в сфере реальных отношений, так и в формально-юридической теории. Этот вопрос, являющийся, в сущности, главной причиной споров, решается, на наш взгляд, не столь однозначно.

Прежде всего, подчеркнем со всей определенностью, что власть Агафокла по своей сущности являлась тиранней чистейшей воды. Монархическое существо его власти проявилось уже сразу же после переворота. Голосование в народном собрании – по видимости вполне законное – происходило под прямым давлением дружины узурпатора. Брученная ему должность формально вписывалась в рамки республиканской конституции, на деле – превышала ее.

Экстраординарная должность стратега-автократора, насколько мы знаем, вручалась для исполнения определенной военной задачи и соответственно этому была ограничена сроком. Так,

²³ Diesner H. Agathoklesproblem: Der Putsch von Jahre 316. – In: Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität. Halle, 1958, 7, 4, S.935. Еще откровеннее высказался М.Финли, который вообще сомневается в необходимости подобного рода формально-юридических изысканий, поскольку они, мол, лишь затемняют существо дела. См.: Finley M. A History of Sicily. L., 1963, p.105.

например, только в Сиракузах таковая должность была вручена Дионисию Старшему для ведения войны с пунтийцами, Диону и Мегаклу - для полного устранения тирании Дионисия Младшего, Тимолеонту - для войны с карфагенянами и устранения анархии на острове. Новым в случае с Агафоном было то, что ему не было дано никакого специального военного поручения, а также не был ни прямо ни косвенно оговорен срок чрезвычайной стратегии.²⁴

Это обстоятельство тем более бросается в глаза, что не существовало никакой непосредственной угрозы государству, которая делала бы необходимой передачу почти монархических полномочий одному человеку. Ведь не кто иной, как сам Агафон, на той же сходке заявил, что он очистил город от рвущихся к власти олигархов и предоставил народу полную независимость (*Diod.*, I9,9,I). Даже если рассматривать в качестве таковой причины возможную угрозу со стороны изгнаников, то она стала серьезной лишь спустя более года.

Выборы стратега-автократора без важной причины и к тому же без определения срока означали, следовательно, не временное урегулирование, но, как выражаются немецкие ученые, введение постоянного монархического элемента в сиракузскую конституцию.²⁵ Тем более, что одновременно Агафон был назначен "эпимелетом полиса".

Далее теснейшая связь Агафона с наемниками как до, так и после путча, наглядно характеризует его как типичного для позднеклассического и эллинистического времени тирана - вождя наемников, узурпатора - кондотьера. После прихода Агафона к власти наемники - это показывает уже их относительно

24 Swoboda H. Op.cit., S.85; Scheele M. Op.cit., S.38; Berve H. HA, S.35. Предположение Де Сантиса (Op.cit., p.299, n. 1), что вскоре после переворота Агафон сложил с себя чрезвычайную стратегию и затем ежегодно переизбирался обычным стратегом, лишенным всякого основания в традиции (см.: Swoboda H. Op.cit., S.37, Ann.1; Scheele M. Op.cit., S.54; Berve H. HA, S.35, Ann.30).

25 Scheele M. Op.cit., S.55; Hüttl W. Op.cit., S.131; Berve H. HA, S.35.

большая численность - содержались в большинстве своем полисом Сиракузы, а не как ранее - самим Агафоном. И все же, в качестве регулярных частей они были преданы ему как главнокомандующему, который гарантировал их существование, а в случае необходимости употребляя их для устранения оппозиционно настроенных граждан (*Diod.*, 20,4,5-7; 63,6; 71,1).

И наконец, об этом же свидетельствует само правление Агафона, характеризующееся многочисленными репрессиями как против политических противников-олигархов, так и против всех недовольных, особенно людей состоятельных (*Diod.*, I9,65,6; 102,6; 103,4; 104,2; 107,4-5; 20,4,6-7; 71-72; 89,5).

Все это вполне соответствует тому, что сказано о тирании Аристотелем, и полностью подпадает под определение тирании, выработанное современной наукой.²⁶

В то же время мы полностью согласны с мнением Э.Д.Фролова, что "сколь бы ни были откровены и циничны стремления к самоутверждению у новых суперменов, выступивших в позднеклассический период, на полное пренебрежение принятой формой и открытое провозглашение себя тираном не мог пойти ни один добившийся действительной власти честолюбец".²⁷ Почти каждый узурпатор стремился придать своей незаконной власти как-либо легальный статус и вряд ли кто-либо из них открыто имел сам себя тираном. Тиран - это вовсе не официальный титул и его нельзя возложить на себя.²⁸

26 См.: Фролов Э.Д. Греческие тираны. Л., 1972, с.197.

27 Фролов Э.Д. Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979, с.62, прим.29; ср.: с.89, прим. 12.

28 По нашему мнению, слова "тиран", "тирания" являются не государственно-правовыми терминами в строгом смысле слова, но, скорее, терминами политическим. "Тиран" - слово иного смыслового ряда, нежели, например, "стратег", "архонт", "басилевс" и т.п. Задимствованное со стороны и, очевидно, довольно рано обратившее оттенок однозначности, это слово не могло стать конституционным термином. Быть может, употребление его в какой-то мере соответствует современному употреблению слов "деспот", "узурпатор", "тиран", "диктатор". Тираном или диктатором можно назвать, например, Наполеона, и это вполне пра-

Разумеется, такая "конституционная комедия" не могла обмануть никого, в том числе и самих древних, которые упрямо называли Агафокла тираном. И тем не менее это не может служить нам основанием для отказа от анализа формально-юридической стороны дела; такой анализ необходим для создания полнокровной картины действительности. Игнорирование исследования формы может привести к созданию упрощенной, а следовательно, искаженной исторической картины.

Действительно, тиран не может находиться в рамках конституции (здесь Г.Дизнер прав), ибо, по определению, власть тирана есть власть насилиственная, незаконная. Однако нужно помнить, что лицо, именуемое в традиции и историографии тираном, имеет и другое имя, официальный титул, в данном случае стратега-автократора и эпимелета полиса, и с этой точки зрения он вполне совместим с республиканской конституцией. Здесь нет противоречия: тиран и стратег-автократор – это различные ипостаси одного и того же правителя. Как тиран он попирает закон, как стратег – пытается все же остаться в его рамках, точнее – прикрыть остатками попранный им законности откровенную наготу своего беззакония. Тиран находится не вне полисной конституции, а как бы возвышается надней. Он еще не может оторваться окончательно от полиса. Подобно тому, как в социальной и политической сферах тиран не уничтожает полиса, но лишь "подминает" его под себя, так и в сфере правовой он не уничтожает полисной конституции, формально не отменяет ее.

вомерно, ибо отражает сущность его власти, узурпированной посредством военного переворота, как неоспоримо и то, что правил он под благозвучными и вполне законными титулами "первого консула", а затем "императора". То же самое можно сказать о современных латиноамериканских диктаторах, прикрывающихся вполне конституционными титулами президентов. Слово "тиран" выражает скорее сущность власти, а именно насильственный характер ее приобретения и отправления. В какой же конституционной форме осуществляется эта узурпированная власть – это уже другой вопрос и здесь имеют хождение иные, строго правовые термины.

но преступает, превышает ее. И, разумеется, именно эта его ипостась – попирателя закона, т.е. собственно тирана – и бро-²⁹ сается в глаза его современникам и потомкам.

И все же, попирая закон, тиран старается не выйти полностью из рамок конституции и не акцентировать откровенного насилия, с каким он правит. Быть может, в этом выражается известная традиционность античного общества, сила обычая, норм, традиций, которых не могли совершенно отбросить даже такие "нигилисты" и "новаторы", как тираны. Но главное за-ключается в том, что тиран не имел еще достаточно прочной и широкой основы своей власти вне полиса и уничтожать последний для него означало "рубить сук, на котором сидишь". Здесь наблюдается ситуация, сходная с той, какую Э.Д.Фролов констатировал относительно тирании Дионисия Старшего. Новый авторитарный режим, возникший на местной греческой почве, из недр самого греческого мира, а не путем внешнего завоевания, вынужден был считаться с силой полисных традиций, сотрудни-³⁰ чать с гражданской общиной и, следовательно, сохранять ее как социально-политическое целое. Разумеется, что при та-кой свирепой тирании, какой являлся режим, установленный Ага-фоклом, сотрудничество это осуществлялось лишь с частью граж-данского коллектива, с низами демоса и неополитами; оно было еще более ограниченным, чем в правление Дионисия, и сведено к минимуму, главным образом, к созыву народных собраний, од-нако нельзя сказать, что оно было вовсе отброшено.

Этот дуализм новой политической системы, сочетавшей в себе два противоположных начала – традиционное полисно-республиканское и новое авторитарно-монархическое – обусловил двойственность положения самого правителя, выступавшего в двух лицах – как тирана и стратега-автократора.

В свете подобных рассуждений мы склонны согласиться с

29 Ср.: Фролов Э.Д. Сицилийская держава Дионисия, с.98.

30 Фролов Э.Д. 1) Сицилийская держава Дионисия, с.128,134, 156-157; 2) Младшая тирания. – В кн.: Античная Греция. Т.2. М., 1983, с. 142,143,146,147,151.

выводами Г.Берве. В государственно-правовом отношении Агафокл действительно являлся должностным лицом полиса, что, однако, ни в коей мере не отменяет его сущностной характеристики как тирана.

Таковое его юридическое положение подтверждается и его внешнеполитической деятельностью. В отличие от Дионисия Старшего, Агафокл во внешних договорах не выступает лично как партнер. Так, в мирном договоре 314 г. было определено, что все греческие города острова, вне карфагенской эпиратии, являются автономными, гегемония же должна принадлежать Сиракузам, а не лично Агафоклу (*Diod., I9,71,7*). И тот факт, что фактическое руководство симмахией получил Агафокл, ничего не меняет в его юридическом положении в Сиракузах. Он оставался высшим магистратом полиса-гегемона, который он представлял во внешней политике, но который он, однако, не вытеснил из межгосударственной жизни.

В заключение отметим, что захватом власти в Сиракузах дело не ограничилось. После долголетней борьбы Агафокл подчинил себе всю некарфагенскую Сицилию и в 304 г. объявил себя царем.

Но этот период остается за рамками данной статьи.

Л.А.Пальцева

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЫ ХЕРСОНЕСА

Исследование социально-политической истории Херсонеса ставит целый ряд вопросов и проблем, разрешение которых при современном состоянии источников возможно лишь в плане гипотез, основанных на привлечении косвенных свидетельств и аналогий. К числу такого рода проблем относятся многие вопросы внутриполитической истории херсонесского полиса, издавна привлекавшие к себе пристальное внимание исследователей. Совершенно очевидно, что без решения этих вопросов невозможно воссоздание /хотя бы в основных чертах/ истории Херсонеса. Поэтому вполне оправданным представляется выбор объекта рас-

смотрения настоящей работы - один из аспектов формирования гражданской общины полиса - колонии и связанная с этим проблема оценки социально-политического кризиса в Херсонесе в конце IV в. до н.э.

Как известно, реконструкция социально-политической жизни Херсонеса в конце IV в. до н.э. базируется главным образом на интерпретации данных гражданской присяги Херсонеса /IPE, I², № 401/. В.В.Латышев, первым издающий и прокомментировавший присягу, на основании орфографии и особенностей шрифта датировал надпись концом IV - началом III в. до н.э., и эта дата является общепризнанной. Принимая эту дату, мы должны признать, таким образом, что социально-политическая обстановка, вызвавшая создание /или переработку/ гражданской присяги, сложилась в Херсонесе к концу IV в. до н.э. Из всех исследователей, обращавшихся к херсонесской присяге,² наиболее полный и всесторонний анализ исторической обстановки, сложившейся в это время, дал С.А.Жебелев.³ В основе его концепции лежит представление, на наш взгляд совершенно справедливое, о чрезвычайном характере херсонесской присяги, составленной после преодоления внутреннего кризиса с целью ликвидации его последствий и предотвращения новых социальных

I См. комментарий к IPE, I², № 401, а также: Латышев В.В.

I) Гражданская присяга херсонесцев. - В кн.: Погутка. СПб., 1909, с.142-160; 2) Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892-1894 гг. - МАР, I895, №17, с.74-76.

2 Ернштедт В.К. - ЖМНП 1892, октябрь, с.28; Semenoff A. Zum Bürgereid der Chersonesiten. Blätter für das Gymnasial-Schulwesen, 1894, Bd.XXX, S.199-204; Соколов Ф.Ф. Рецензия на том IV IOSPE. - В кн.: Труды Ф.Ф.Соколова. СПб., 1909, с.640; Леви Е.И. К вопросу о датировке херсонесской присяги. - CA, 1947, IX, с. 89-99; Kocevalov A. Beiträge zu dem euseianischen Inschriften. Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft, 3. Jg, 1948.

3 Жебелев С.А. Херсонесская присяга. - В кн.: Северное Причерноморье. М.; Л., 1953, с. 217-247. В настоящей работе мы используем введенное С.А.Жебелевым деление присяги на пункты /параграфы/.